

УДК 316.351

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.1

EDN: DCBJED

Научная статья

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩНОСТНОЙ И ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВУЗА

Гарольд Ефимович Зборовский

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,

Екатеринбург, Россия,

garoldzborovsky@gmail.com,

ORCID 0000-0001-8153-0561

Для цитирования: Зборовский Г. Е. О методологии исследования общностной и поколенческой структуры вуза // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 10–34. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.1. EDN DCBJED.

Аннотация. В статье рассматриваются методологические вопросы исследования социальной структуры вуза, представляющие интерес и являющиеся актуальными для современного этапа развития отечественного высшего образования. Выделяются два комплекса университетских проблем, требующих рассмотрения на уровне методологии. В рамках первого обращается внимание на понятийный аппарат, дифференциацию структуры, различные её элементы, подсистемы, противоречия. Второй комплекс включает в себя рассмотрение различных методологических подходов, необходимых для характеристики социальной структуры вуза, прежде всего общностного и поколенческого. Характеризуются положения теории социальной общности Ф. Тённиса и взгляды К. Мангейма как основоположника теории поколений в контексте применения общностного и поколенческого подходов для рассмотрения социальной структуры вуза. Целью статьи является анализ методологических проблем социологического исследования социальной структуры вуза порознь и в их взаимодействии. Логика статьи предполагает постановку исследовательских вопросов, характеристику видов социальной структуры, трактовку общностной и поколенческой структур, далее – их взаимодействия. При этом особое внимание обращается на противоречия в межобщностных и межпоколенческих отношениях представителей разных вузовских общностей. Утверждается, что они неизбежны и что в процессах их возникновения и преодоления происходит наложение одних отношений и противоречий на другие: поколенческих общностей на образовательные и наоборот, младших поколений на средние и старшие и наоборот, одних образовательных общностей – научно-педагогических работников – на другие – студентов и административно-управленческих работников и наоборот. Обращается внимание на роль управленческих структур вузов в регулировании образовательных и поколенческих взаимодействий. Задача социологов в возникающих ситуациях определяется необходимостью их отслеживать и исследовать, а также искать способы решения появляющихся проблем.

Ключевые слова: социальная структура вуза, методология исследования, общностная структура, поколенческая структура, образовательные общности, студенчество,

© Зборовский Г. Е., 2025

научно-педагогические работники, административно-управленческие работники, младшее, среднее, старшее поколения, взаимодействие общностной и поколенческой структур, противоречия межобщностных и межпоколенческих отношений

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00206, <https://rscf.ru/project/25-18-00206> «Межпоколенческие и внутр поколенческие взаимодействия в российском университетском сообществе XXI века: от кризиса к консенсусу».

Введение. Постановка проблемы

Социологический анализ социальной структуры вуза и стоящих за ним реальных проблем университетской жизни является редким гостем на страницах научных журналов и монографий. Исключение составляют те из них, которые напрямую связаны с социологией высшего образования. Помимо ведущего социологического журнала страны «Социологические исследования», это «Высшее образование в России», «Проблемы образования», «Интеграция образования» и те периодические издания, которые время от времени публикуют результаты отдельных социологических исследований высшей школы. Последние также находят отражение в сборниках научных трудов, публикации в которых, как правило, особой регулярностью (и часто глубиной анализа) не отличаются. Поэтому понятно, что сами вузы, процессы, характеризующие изменения в их социальной структуре, трактовка их последствий и влияний требуют значительно более фундаментальных исследований, чем имеющие в последние годы место.

В предлагаемой статье предпринимается попытка методологического рассмотрения социальной структуры вуза и сложных университетских проблем, с ней связанных. К числу методологических отнесём в первую очередь два комплекса университетских проблем. Первый включает понятие социальной структуры вуза, её дифференциацию и внутреннее строение, диспозицию различных элементов, систем и подсистем, противоречия между ними, зачастую тормозящие работу всей образовательной организации. Второй комплекс проблем связан с использованием ряда методологических подходов, в первую очередь общностного и поколенческого. Цель данной статьи – анализ ряда методологических проблем изучения социальной структуры вуза из числа названных в обоих комплексах, главной среди которых являются её общностная и поколенческая разновидности и их взаимодействия.

В связи с этим для нас имело значение в методологическом и историко-социологическом плане обращение к истокам общностного и поколенческого подходов к названным проблемам социальной структуры. В таком качестве мы определяем для себя две наиболее фундаментальные работы в истории социологии по обозначенной выше проблематике, одна из которых посвящена теории социальной общности (Ф. Тённис) [1], а другая – теории поколений (К. Мангейм) [2]. В каждой из них раскрыты базовые понятия, структурные

элементы и функции обеих разновидностей социальной структуры, показаны возможности их трактовки. Более того, К. Мангейм в работе «Проблема поколения» (1928), рассматривая поколение как возрастную когорту, допустил вероятность использования разработанного ранее общностного подхода к его характеристике. Однако ни у одного из названных классиков социологии и их последователей в XX–XXI вв. не было замечено стремления рассматривать проблемы социальной структуры в университетах в контексте общностной и поколенческой тематики.

Когда Э. Гидденс в конце прошлого столетия (1984 г.) публиковал свою теорию структуризации (о ней сегодня, к сожалению, редко вспоминают), он подчёркивал среди других две главных особенности этой теории: а) протяжённость структуры во времени (отсюда понимание структуризации как процесса); б) взаимосвязь структуры и действия (выраженная в тезисе «структура действительна, действие структурировано») [3]. В упоминаемой теории её «нервом» как раз является взаимосвязь социальных структур (к ним социолог относил правила и ресурсы) и деятельности людей. Этот методологический подход выступает важным инструментом нашего последующего рассмотрения проблем социальной структуры вуза, её общностной и поколенческой разновидностей.

Современный российский вуз представляет собой сложную систему, включающую целый ряд сфер и структур – образовательную, научную, производственную, экономическую, культурную и другие. Одной из основных среди них является социальная структура, которая в статье рассматривается в качестве объекта исследования. Но прежде, чем её характеризовать, дадим определение базового для социологии понятия – социальной структуры в целом, которая выступает и как особый феномен, и как предмет социологического исследования. При этом отметим, что мы не ставим задачи специального рассмотрения данного понятия. Его общая характеристика необходима нам лишь для того, чтобы перейти от неё к трактовке одного из элементов социальной структуры общества – социальной структуры вуза.

Под социальной структурой в самом общем виде будем понимать совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих внутреннее строение общества и его различных сторон, систем и подсистем. Она включает в себя социальные институты, социальные организации, социальные общности, социальные классы, группы, слои, поколения и т. д. Её главной особенностью являются действия и взаимодействия людей в названных и иных подструктурах и элементах. Исходя из общего понимания социальной структуры, под социальной структурой вуза будем понимать совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих его внутреннее строение, а также диспозицию различных сторон, систем и подсистем образовательной организации.

С позиций социологического подхода вуз рассматривается нами в качестве элемента систем общества, образования, высшего образования. Поскольку ближайшая к вузу система, в которую он включён непосредственно, – высшее образование, отметим, что социологическое исследование вуза в этой системе

предполагает, как минимум, наличие двух его уровней – во-первых, институционального и системного, во-вторых, организационного и структурного. Первый уровень означает анализ вуза в рамках высшего образования как социального института и системы (подсистемы) образования, второй уровень соотносится с рассмотрением вуза как организации и структуры в системе высшего образования. В статье обращается внимание в основном на второй уровень анализа.

Выбор уровня рассмотрения вуза зависит от цели, объекта и предмета, характера, ожидаемых результатов исследования. В качестве цели отметим анализ малоисследованных видов вузовской социальной структуры – как автономных, так и взаимосвязанных и взаимодействующих. В качестве объекта будем рассматривать две разновидности социальной структуры вуза – общностную и поколенческую. Предметом исследования станут их взаимодействия и возникающие в них противоречия, дисбалансы, конфликты, которые характеризуют, с одной стороны, межпоколенческие и межобщностные отношения, с другой – внутрипоколенческие и внутриобщностные связи. Говоря о характере исследования, отметим, что нас интересуют проблемы и противоречия социальной структуры вуза в её современном состоянии и возможные перемены в ней. Именно с ними мы связываем ожидаемые изменения, которые произойдут (могут произойти) в социальной структуре вуза в исторически обозримом будущем.

Виды социальной структуры вуза

Общностная структура. Обратимся к видам социальной структуры в вузе, от выбора которых зависело определение конкретного объекта и предмета исследования. Вначале перечислим виды социальной структуры. Это: демографическая (включая возрастную, гендерную, расовую), классовая, стратификационная, общностная, поколенческая, образовательная, должностная, квалификационная, научная, педагогическая, организационная, управленческая и некоторые другие виды.

Являются ли названные структуры предметом управленческого внимания? Необходимо ли на них как-то влиять с учётом университетских интересов? Отвечая на эти вопросы, можно сказать: да, некоторые из названных структур являются предметом управленческого регулирования. К числу этих структур будем относить должностную, квалификационную, общностную, поколенческую, организационную, образовательную, научную, педагогическую. Но не все из названных выше попадают в перечень управляемых. Так, демографическая структура в вузе вряд ли может быть управляемой сверху, хотя университетскому управлению скорее всего хотелось бы выполнять властные функции в этом направлении вузовской жизни, к примеру – привлекать «хорошую» молодёжь в вузы.

Какие вузовские структуры непосредственно и наиболее активно влияют на социальную структуру университета? Очевидно, те, где активно заявляет о себе их авангард, способный воздействовать на ту или иную общность,

то или иное поколение, те или иные социальные группы. Нас интересуют виды вузовских социальных структур, от которых в значительной степени зависит реализация миссий университета и целей его деятельности. Одна из причин выбора объекта и предмета исследования, как отмечалось выше, определялась недостаточным исследованием поставленной проблемы.

Социальная структура современного университета формируется и поддерживается в процессе взаимодействия вузовских общностей – образовательных (студентов, научно-педагогических и административно-управленческих работников) и внеобразовательных (учебно-вспомогательного, инженерно-технического, административно-хозяйственного, производственного, обслуживающего персонала). Динамика трансформации социальной структуры вуза во многом определяется изменениями связей и отношений между названными, в первую очередь образовательными, общностями. Существенную роль играет и представленность поколений в образовательных общностях. Но прежде, чем рассматривать общностную и поколенческую структуры вуза и их взаимодействие, сформулируем несколько положений относительно научной новизны выдвигаемых позиций.

1. Впервые предлагается выделение в социальной структуре вуза двух её разновидностей – общностной и поколенческой, рассмотренных как порознь, так и во взаимодействии. Дается краткая характеристика каждой из них и показывается их роль в развитии вуза. В научном исследовании, в плане его методологии, оказываются интегрированными два направления изучения социальной структуры университета – общностное и поколенческое.

2. В статье реализуется новый подход к оценке и использованию роли поколений, их самореализации в деятельности вузовских образовательных общностей для осуществления стратегии развития университетов. Этот подход предлагается принять как значимый для выработки управленческих решений по всем основным направлениям деятельности в вузе с целью выявления и преодоления противоречий, дисбалансов, конфликтов и кризисных тенденций в его развитии.

3. Предлагаемая в статье методологическая позиция направлена на исследование развития поколений образовательных общностей университетского сообщества и их взаимодействия как основания стратегических и оперативных управленческих решений целого «гнезда» проблем вузовских образовательных общностей – научно-педагогических и административно-управленческих работников, студенчества. Важнейшей задачей этих решений автор считает успешное взаимодействие молодого, среднего и старшего поколений каждой вузовской образовательной общности.

4. В плане методологии новизна исследования заключается в синтезе методологического арсенала различных отраслей социологического знания – социологии высшего образования, социологии управления, социологии науки, а также методологических принципов различных научных подходов, прежде всего – общностного и поколенческого. Такой методологический синтез обеспечивает системное видение и целостное понимание взаимодействия не только

поколенческих и общностных структур, но и отраслей социологического знания, направленного на их изучение.

Поскольку далее мы предпримем рассмотрение социальной структуры вуза, целесообразно начать с трактовки образовательных общностей. Они представляют две разновидности социальной структуры вуза. Одна из них – общностная, другая – образовательная. Это касается и студентов, и научно-педагогических, и административно-управленческих работников: они относятся одновременно к обеим общностям. Поэтому перед нами стоит задача определить и ту, и другую.

Вначале скажем об их родовой основе – социальной общности как таковой. Её специфику Ф. Тённис видел в отличии общности от общества. В самом начале своего главного труда «Общность и общество» (1887) он писал: «...общность есть устойчивая и подлинная совместная жизнь, общество же – лишь преходящая и иллюзорная. И поэтому сама общность должна пониматься как живой организм, а общество – как механический агрегат и артефакт» [1, с. 11–12].

Социальная общность – это реально существующая, эмпирически фиксируемая, относительно единая и самостоятельная совокупность (взаимосвязь) людей, объединённых по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Главными образующими социальные общности признаками являются: относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к ним (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определённых пространственно-временных полей бытия, реализация функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания различными ресурсами и их использования [4, с. 110; 5, с. 19–20].

Разновидностью социальной общности является образовательная общность. В соответствии с общностным подходом, образовательные общности представляют собой взаимосвязи людей, их групп и объединений, характеризующиеся доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими социальными общностями [6, с. 192].

В самом общем виде образовательная общность означает совокупность (объединение, взаимосвязь, взаимодействие) индивидов на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы совместной деятельности как малых, так и больших вовлечённых в образование групп людей. Образовательные общности, в том числе и научно-педагогические работники (НПР), возникая прежде всего в повседневной жизни, формируются в самых разных сферах образовательной деятельности – в преподавании, связанных с ним научных исследованиях, совместной деятельности со студентами в ходе их учебного процесса и практик, воспитательной работе, досуге, управлении различными векторами вузовской жизни и др. [5, с. 66].

В качестве ведущих образовательных общностей в вузе выступают студенты и НПР. К этим общностям могут примыкать (быть тесно с ними связанными) научные работники (если такая категория занятых и профессиональная группа в вузе имеется), несомненно, административно-управленческие работники (АУР), точнее, какая-то их часть, которая принимает участие в образовательной и научной деятельности.

Основными принципами общностного подхода, которые следует применять к анализу образовательных общностей в вузе, являются:

- рассмотрение образовательных общностей студентов, научно-педагогических и административно-управленческих работников в качестве главных субъектов образовательной деятельности;
- структурирование, типология и классификация названных образовательных общностей;
- выявление особенностей взаимодействия в сфере высшего образования парных общностей: преподаватели – студенты, научно-педагогические – административно-управленческие работники, основные – дополнительные образовательные общности (административно-управленческая общность, родители);
- характеристика ресурсов (социальных, профессионально-квалификационных, научно-педагогических, демографических, экономических, финансовых, культурных, интеллектуальных, символических, темпоральных и др.) образовательных общностей;
- анализ связей и взаимодействий образовательных и иных социальных общностей (в сферах образования, семьи, производства, бизнеса, культуры, науки, управления и др.);
- трактовка указанных выше принципов в их динамике.

Ведущей образовательной общностью в вузе являются научно-педагогические работники, которые включены практически во все основные виды педагогической, научной, воспитательной, организационной и управленческой деятельности. Однако признание НПР ведущей социальной общностью среди образовательных общностей и в целом в университетском сообществе вовсе не свидетельствует об арьергардных позициях иных образовательных общностей. Во-первых, потому что сами по себе НПР не могут существовать, прежде всего без студентов. Эти общности взаимозависимы и взаимодействуют на основе так называемого парного подхода, который в системе образования является универсальным (воспитатели и дети, учителя и ученики, преподаватели вузов и организаций СПО и студенты этих учебных заведений). Во-вторых, такую же незаменимую в отношении НПР позицию занимают административно-управленческие работники, поскольку речь заходит о самых разных направлениях управленческой деятельности, вне которой образовательная организация, учебный и научный процессы не в состоянии функционировать.

Описывая столь простые вещи, не требующие дополнительной аргументации, мы тем не менее подчёркиваем особо значимую роль НПР, принимающих самое непосредственное участие в реализации всех трёх миссий университета

и выполняющих в этих процессах наиболее значимую роль, требующую высокого уровня научно-образовательной подготовки, профессионального мастерства, владения значительным объёмом символического капитала (в виде учёных степеней и научных знаний, государственных и иных наград). Все это даёт основание считать НПР «ядерной» образовательной общностью, т. е. выполняющей функцию ядра в социальной структуре вуза. С учётом ограничений объёма статьи мы рассмотрим только те данные, которые касаются одной образовательной общности – НПР и её статистических характеристик, и лишь сошлёмся на исследования студенчества и АУР [7–10].

Приведём количественные характеристики НПР за последние 25 лет. Вначале воспроизведём без детализации данные первого двадцатилетия – с 2000 до 2020 гг. Численный состав НПР, рассмотренный в динамике с начала XXI в., менялся в своём тренде на рубеже первого и второго, а затем третьего десятилетия (см. рис. 1). Причём в рамках первого периода (2001–2010 гг.) он нарастал, в рамках же второго периода – сокращался (как без внешних совместителей, так и с ними). Эта же тенденция сокращения наблюдается и при переходе к третьему периоду (2020-е гг.).

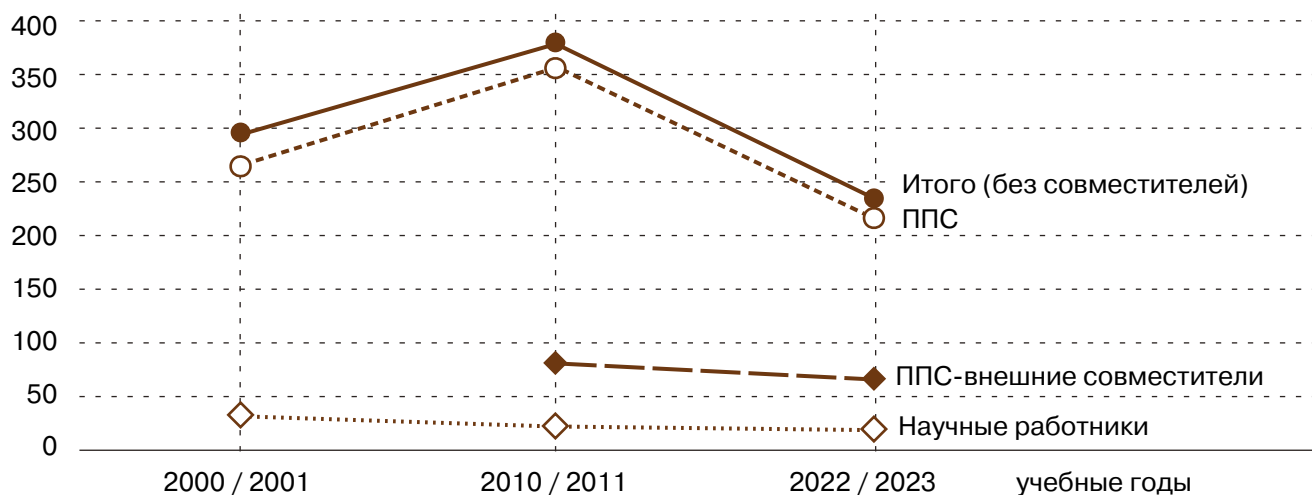

Рис. 1. Динамика численности НПР, тыс. чел. (на начало учебного года)

За период с 2000/2001 по 2010/2011 уч. г. наблюдалось увеличение НПР – с 296,3 тыс. [11, с. 28; 12, с. 152] до 378,4 тыс. (без внешних совместителей) [13, с. 204] и до 456,8 тыс. человек (с внешними совместителями) [13, с. 206]. Затем этот тренд сменился нисходящим, и в следующее десятилетие, к 2022/2023 уч. г., численность НПР снизилась до 232,5 тыс. (без внешних совместителей)¹

¹ Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования РФ : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 10.02.2025).

и до 298,2 тыс. человек (с внешними совместителями)¹. Нетрудно обнаружить, что численность НПР сократилась в 1,5 раза в сравнении с 2010/2011 уч. г., то есть университеты, по существу, вернулись к показателям «нулевых» годов.

Далее обратимся к более подробному анализу НПР, включающему, во-первых, ежегодные показатели этой общности с 2020 по 2024 г., во-вторых, данные по трём поколениям – молодому (до 34 лет), среднему (35–54), старшему (55+).

За 5 лет (с 2020 по 2024 г.) произошло сокращение профессорско-преподавательского состава (ППС) российских вузов на 6 054 человек (или на 3%) (см. табл. 1). Это произошло прежде всего за счёт сокращения доли ППС в возрасте 55 лет и старше (на 7,4%) при незначительном росте ППС в возрастных группах моложе 35 лет и в возрасте 35–54 года (доля ППС до 35 лет увеличилась на 0,9%, а в возрасте 35–54 года – на 0,1%).

Таблица 1

Распределение ППС² по возрасту с 2020 по 2024 г., чел.³

Год	Возраст, лет			Итого
	до 34	35–54	55 и старше	
2020	29 929	104 561	86 393	220 883
2021	27 920	104 325	83 281	215 526
2022	27 886	103 933	81 008	212 827
2023	28 834	105 139	80 266	214 239
2024	30 206	104 665	79 959	214 830

Анализ возрастной структуры ППС показал доминирование группы в 35–54 года (около 50,0%) (см. табл. 2). Сокращение доли ППС в возрасте 55 лет и старше в общей структуре происходит за счёт примерно равного распределения (воспроизводства) по возрастным группам до 35 лет и в возрасте 35–54 года (увеличение в пределах 1%).

Таблица 2

Распределение ППС⁴ по возрасту с 2020 по 2024 г., %⁵

Год	Возраст, лет			Итого
	до 34	35–54	55 и старше	
2020	13,6	47,3	39,1	100,0
2021	13,0	48,4	38,6	100,0
2022	13,1	48,8	38,1	100,0
2023	13,5	49,0	37,5	100,0
2024	14,1	48,7	37,2	100,0

¹ Там же.

² Без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера.

³ Форма № ВПО-1...

⁴ Без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера.

⁵ Форма № ВПО-1...

Вместе с тем анализ внутренней структуры каждой возрастной группы (поколения) позволяет увидеть некоторые тенденции (см. табл. 3–5).

Таблица 3

Распределение ППС до 34 лет¹ по возрасту с 2020 по 2024 г., чел.²

Год	Возраст, лет			Итого
	моложе 25	25–29	30–34	
2020	968	9744	19 217	29 929
2021	1001	9058	17 861	27 920
2022	1596	9440	16 850	27 886
2023	2289	10 632	15 913	28 834
2024	3037	11 560	15 609	30 206

Анализ данных таблицы 3 позволяет сделать вывод, что относительная стабильность в общей структуре ППС до 34 лет за анализируемый период обеспечивается за счёт увеличения количества работников моложе 25 лет в 2024 году по сравнению с 2020 годом на 2 069 человек (или на 31,7%) и в возрасте 25–29 лет на 1 816 человек (или на 18,6%) при сокращении численности ППС в возрасте 30–34 лет за этот же период на 3 608 человек (или на 18,8%).

Сходные результаты можно видеть и во внутренней структуре возрастной группы 35–54 лет (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ППС в возрасте 35–54 года³ по возрасту с 2020 по 2024 г., чел.⁴

Год	Возраст, лет				Итого
	35–39	40–44	45–49	50–54	
2020	25 678	30 908	27 161	20 814	104 561
2021	24 581	30 213	28 398	21 133	104 325
2022	23 906	29 046	28 879	22 102	103 933
2023	22 990	28 001	30 373	23 775	105 139
2024	22 251	26 823	30 550	25 041	104 665

Доля ППС в возрасте 35–39 лет и 40–44 года в 2024 году по сравнению с 2020 годом сократилась на 3 427 и 4 085 человек соответственно (или на 13 и 13,2% соответственно), тогда как доля ППС в возрасте 45–49 и 50–54 лет увеличилась на 3 389 и 4 227 человек соответственно (или на 12,5 и 20,3% соответственно).

Говоря о сокращении доли работников старше 55 лет в общей структуре ППС, следует отметить более высокие темпы сокращения подгрупп 55–59 лет и 60–64 года, чем в возрасте 65 лет и старше (см. табл. 5). В период с 2020

¹ Без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера.

² Форма № ВПО-1...

³ Без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера.

⁴ Форма № ВПО-1...

по 2024 г. их число сократилось на 2 251 и 1 952 человек соответственно (или на 10,3 и 9,1% соответственно), тогда как доля ППС в возрасте 65 и старше сократилась лишь на 5,2% (или 2 231 чел.).

Таблица 5

Распределение ППС старше 55 лет¹ по возрасту с 2020 по 2024 г, чел.²

Год	Возраст, лет			Итого
	55–59	60–64	65 и старше	
2020	21 755	21 445	43 193	86 393
2021	20 733	20 711	41 837	83 281
2022	19 829	20 255	40 924	81 008
2023	19 512	19 968	40 786	80 266
2024	19 504	19 493	40 962	79 959

Сказанное выше об образовательной общности и её роли в вузе, в особенности о «ядре» этой общности – научно-педагогических работниках, позволяет перейти к рассмотрению поколенческой структуры как элемента социальной структуры вуза.

Поколенческая структура. Для анализа поколенческой структуры вуза большое значение имеет применение методологии поколенческого подхода. Эта методология обладает богатым категориальным аппаратом, различными вариантами трактовки поколения, их использования для проведения эмпирических исследований, составления набора аналитических моделей на их основе [14]. Благодаря методологии поколенческого подхода появляются возможности интеграции результатов поколенческого анализа в систему знаний о высшем образовании и развитии университетского сообщества. Использование методологии поколенческого подхода в вузах различного типа может способствовать оптимизации управления ими и эффективному применению инструментов государственной политики, направленной на развитие высшей школы.

Для этого целесообразно учитывать особенности университетского сообщества с широким возрастным диапазоном его представителей, начиная с 17-летних студентов и заканчивая НПР самых старших возрастных групп. В качестве примера (правда, уникального) укажем, что действующему профессору Саратовского государственного университета Ольге Борисовне Сиротининой 27 июня 2024 г. исполнился 101 год³.

Однако дело не только в широком возрастном диапазоне представителей университетского сообщества, что делает его привлекательным объектом поколенческого анализа. Ещё К. Мангейм, один из основателей теории поколений

¹ Без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера.

² Форма № ВПО-1...

³ Легендарному профессору СГУ Ольге Сиротининой исполнился 101 год // Взгляд-инфо : сайт. 27.06.2024. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2024/06/27/legendarnomy-professory-sgy-olge-sirotininoj-ispolnilsya-101-god.html> (дата обращения: 20.02.2025).

и поколенческого подхода, показал его большие возможности в рассмотрении поколения как не только возрастной когорты, но и особой общности людей, объединённых поколенческой идентичностью, сформировавшейся в одном историческом и социокультурном контексте. Характеризуя признаки поколения и рассматривая один из них – общность его местоположения, социолог отмечал: «...для вывода относительно общности местоположения в некоем поколении простого сосуществования во времени недостаточно... Для того чтобы по местоположению находиться в одном и том же поколении, иными словами, для того чтобы пассивно или активно пользоваться привилегиями (или, наоборот, испытывать затруднения), свойственными местоположению некоего поколения, нужно быть рождённым в одном и том же историческом и культурном ареале. Как реальность поколение подразумевает даже нечто большее, чем просто соприсутствие в подобном историческом и социальном ареале. Чтобы в действительности составлять поколение, необходимо дополнительное звено: участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности» [2, с. 36].

Эти идеи социолога придали в перспективе XX–XXI вв. новый импульс развитию теории поколений и пониманию сложного устройства университетского сообщества, в пространстве которого формируются, живут, изменяются, взаимодействуют представители разных поколений. Однако это был только общеметодологический подход, которому долгое время не было суждено реализоваться в теории и практике эмпирических исследований поколений в вузе. Названное обстоятельство мешало раньше и продолжает мешать сейчас созданию системного знания о поколениях в вузах, их взаимодействиях, противоречиях и проблемах на пути их разрешения.

Понимание поколенческих различий очень важно для оценки и трактовки ситуации как в вузе, так и за его пределами, в том числе в сфере высшего образования, да и в обществе в целом. Существует мнение, что поколенческие различия не являются главной категорией социальной дифференциации, призванной заменить другие категории – класс, статус или этнические группы. Автор этой точки зрения В. В. Радаев исходит из того, что «в определённые периоды тот или иной способ социальной дифференциации может выходить на передний план, в то время как другие, по крайней мере частично, утрачивают свою актуальность» [15, с. 40]. Мы не спорим с положением о замене тех или иных категорий другими – в социальной структуре вуза все категории имеют своё значение (как в известном стихотворении про мам, которые «всякие важны и поэтому всякие нужны»). Речь идёт об утере важности, возможно частичной, категории поколения в вузе. Полагаем, что до этого ещё долго не дойдёт и на ближайший исторически обозримый период времени роль поколенческой проблематики сохранится во всем её значении.

Если в отношении поколенческой динамики общества мы имеем довольно развитые представления благодаря разработке серьёзных общетеоретических подходов и проведению эмпирических исследований социологов, демографов, историков, культурологов, антропологов, то поколенческие исследования

в высшем образовании ограничены изучением особенностей студентов разных поколений и в основном в рамках теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува [16], зачастую используемой в её упрощённой научно-популярной форме.

Принимая за основу тезис теории поколений К. Мангейма «положение поколений – взаимосвязь поколений – единство поколений» [2], мы рассматриваем университетское сообщество как целостную поколенческую систему, в которой разные поколения (понимаемые и как возрастные когорты, и как поколенческие общности) взаимодействуют друг с другом, выполняя свои функции в рамках межпоколенческого контракта.

В основе рассматриваемой поколенческой структуры лежит понятие поколения, но не просто поколения, а поколения в вузе, которое существенно отличается от понятия поколения вообще. Используя социологический подход к поколению как социальной общности, предложим следующее определение поколения в вузе: это объективно складывающаяся, реально существующая, эмпирически фиксируемая, относительно единая и самостоятельная социальная общность близких по возрасту людей, объединённых в вузе демографическими, социокультурными, образовательными характеристиками, решением конкретных социально определённых задач, полностью или частично занятых обучением, научными исследованиями, управлением процессами университетской жизни в схожих условиях социализации, реализации потребностей, интересов, ценностных ориентаций, идентифицирующих себя с определённым поколением.

Поколенческая структура вуза включает в себя три основных элемента – молодое, среднее, старшее поколение. В свою очередь каждое из них характеризуется наличием ряда более дробных структурных элементов. Их выделение связано с периодизацией вузовских поколений и образовательных общностей, означающей определение этапов и периодов их существования и смены. Эта периодизация основана на критерии использования количественных различий и выделения возрастных когорт (молодое, среднее, старшее поколения) на базе их возрастной дифференциации. Так, средний срок существования молодого поколения составляет 15 лет (до 35 лет), зрелого поколения – 20 лет (до 55 лет), старшего поколения – 15–20+ лет (после 55 лет).

Для анализа поколенческой структуры, наряду с количественными показателями, целесообразно использовать качественные характеристики названных выше элементов. Они связаны с основными признаками каждого поколения (сами признаки приведены в данном выше определении), его ролью и значением в жизни вуза. У каждого поколения в вузе есть свои задачи, свои ресурсы, свой потенциал. Это поколение можно рассматривать как особый социальный субъект, обладающий целым рядом характеристик и местом, занимаемым в социальном пространстве и социальном времени университета. Но при этом важно отметить, что все эти особенности и характеристики, задачи и ресурсы целесообразно рассматривать в тесной связи с вузовскими образовательными общностями. Другими словами, требуется рассмотрение вопроса о связи

поколенческой и общностной структур, их взаимодействии (о чём ниже будет сказано в соответствующем разделе).

Специально коснёмся вопроса о названиях поколений в вузе. Подчёркивая новизну понимания поколенческой структуры вуза в статье, укажем, в связи с её рассмотрением, на авторский отказ использовать применительно к вузам концепции и названия поколений и «X», «Y», «Z», и «Altha», «Beta», «Gamma», и «потерянного поколения», и «молчаливого поколения», и поколения миллениалов (по существу то же, что и поколение «Y»). Связан этот отказ с тем, что названия концепций поколений применительно к вузу устаревают, исчезают действовавшие временные границы их актуальности [17–20]. Что же касается трёхступенчатой структуры поколений (молодое, среднее, старшее), она постоянно «работает», поэтому не требует замены и всегда актуальна.

Рассматривая университетское сообщество как главный стратегический ресурс современного высшего образования, мы должны учитывать сильное влияние на него поколенческого фактора, особенно влияние межпоколенческих и внутрipoколенческих отношений и взаимодействий. Для их описания поколенческая теория предлагает богатый тезаурус, адекватный современным либо предшествующим им социальным реалиям. Этих концепций в конце XX – начале XXI в. оказалось настолько много, что впору резко ограничить их число, особенно применительно к некоторым сферам и сегментам жизни общества. Удивительное состоит в том, что одна из таких сфер, в полном смысле слова, буквально молодёжная, оказалась вне такого многообразного и разнообразного рассмотрения. Речь идёт о высшем образовании, вузах, студенчестве, НПР, АУР.

Именно такой сферой для нас является высшее образование, взаимодействующие в его структуре университеты, а в них – студенчество, НПР, АУР. Относительно их названные концепции, по нашему мнению, не работают в полной мере, затрагивая лишь отдельных представителей университетского сообщества, в основном молодых. Если внимательно проанализировать публикации, посвящённые поколенческой проблематике в вузах, то крайне редко можно обнаружить среди них исследование поколений и молодёжных групп среди них [21]. Среди работ, посвящённых изучению поколений в России и за рубежом, доминируют исследования особенностей и траекторий их формирования и функционирования. Широко распространена также разработка проблем межпоколенческих отношений в широком диапазоне от конфликта между поколениями до солидарности между ними [22–25].

Но такого рода исследования не типичны для вузов. Зато очень важными для них являются трактовки, которые тесно связаны с возрастными характеристиками поколенческих и образовательных общностей и получили название концепций молодого, среднего, старшего поколений. Остановимся на этих трактовках. Можно ли среди этих трёх поколений выделить ведущие, определяющие? Конечно, да. Ими являются среднее и отчасти старшее поколения. Из молодого поколения можно специально выделить лишь его старшую часть (30–35 лет), да и то только ту, которая прошла в вузе ступени моложе 25 и 25–29 лет.

Первый узел противоречий связан с молодым поколением научно-педагогического сообщества. Трудности привлечения и удержания молодых НПР, низкий уровень их лояльности университету, невысокие показатели защит диссертаций, признаки постоянного стресса и высокая степень неудовлетворённости своим академическим трудом, неуверенность в его значимости, продуктивности – это лишь небольшой перечень проблем, которые идентифицируют исследователи в среде молодых сотрудников вузов. Анализ причин их возникновения показывает, что базовой предпосылкой выступают трудности интеграции молодёжи в академическую среду, а они, в свою очередь, определяются качеством межпоколенческих и внутривпоколенческих отношений в ней.

Привлекательность вуза как места работы и самореализации зависит не только от мер институциональной и организационной поддержки вузовской молодёжи. Необходимость и наличие таких мер априорны. Классические положения теории человеческих отношений постулируют важность тесных и конструктивных социальных отношений между всеми субъектами вузовского сообщества. К сожалению, функции повседневной поддержки, сопровождения, обучения, инкорпорирования молодёжи, которые должны выполнять среднее и старшее поколения научно-педагогических работников, в силу ряда объективных и субъективных причин сегодня не реализуются в достаточной мере. Нередко межпоколенческие отношения мыслятся в терминах конкуренции, отчуждённости, интолерантности.

Огорчает, что меры государственной поддержки молодых НПР ориентированы исключительно на достижение количественных параметров. Они не учитывают то обстоятельство, что вовлечение и удержание молодёжи в университетском сообществе возможно благодаря формированию у неё прочной идентификации с ним, наращиванию научно-педагогической культуры, «впитыванию» этоса академической профессии.

Университетское сообщество должно «прирастать» молодёжью, имеющей альтруистическую мотивацию и способности к академической работе [26–28].

Этот длительный процесс требует не только времени, но и соответствующего качества взаимоотношений и взаимодействий между поколениями НПР. Кроме того, меры государственной поддержки распространяются на молодёжь лишь небольшой части российских вузов (например, 120 вузов, участвующих в программе «Приоритет-2030»). На значительную долю молодёжного состава университетского сообщества эта поддержка не распространяется, вследствие чего кардинально возрастает значимость взаимопомощи в межпоколенческих и внутривпоколенческих отношениях, роль педагогического и научного наставничества.

Второй узел противоречий связан со старшим поколением НПР. В условиях новых приоритетов кадровой политики в высшей школе это поколение подвергается явной и латентной дискриминации, влиянию негативных возрастных стереотипов. Согласно таким эйджистским установкам, с возрастом у НПР снижается производительность труда, а это входит в противоречие с тенденцией интенсификации академической работы. Старшее поколение НПР не обладает

актуальными профессиональными компетенциями, соответственно – не может обеспечить качество высшего образования и вузовской науки. Старшее поколение ригидно, поэтому активно сопротивляется реформам высшего образования, критикует университетские трансформации, выступает источником академического оппортунизма. По понятным причинам, эти установки официально не озвучиваются, но в то же время могут превращаться в основание для принятия институциональных и организационных кадровых решений.

Эйджизм в академической среде противоречит классическим традициям академической культуры, построенной на признании авторитета состоявшегося учёного, учителя-наставника, главы научной школы. Эйджизм входит в противоречие с принципами социальной ответственности государственного и университетского менеджмента, университета как работодателя. В конечном счёте вынужденный уход из университетов большей части представителей старшего поколения НПР чреват нарушением механизмов преемственности, которые базируются на неформальных коммуникациях между разными поколениями вузовских общностей, в ходе которых происходит передача неявного знания от одного поколения к другому. В связи с этим представляется неслучайной низкая поддержка общественностью инициативы № 14Ф19169 «Установить возрастное ограничение до 60 лет для преподавателей в целях повышения эффективности обучения в высших учебных заведениях», представленной на портале «Российская общественная инициатива». За инициативу было подано 194 голоса, против – 583 голоса.

Третий узел противоречий связан с кризисом среднего поколения НПР. В условиях стремительной трансформации возрастной структуры научно-педагогического сообщества именно на это поколение ложится груз ответственности за выполнение стратегических и текущих задач во всех сферах деятельности университетов – образовательной, научной, воспитательной, управленческой, общественной. Представитель среднего поколения превращается в своеобразного мастера-универсала и становится объектом интенсификации академического труда. Не случайно для этого поколения НПР стали характерны проблемы профессионального выгорания и дауншифтинга, неуверенности в будущем и готовности уйти из академического сектора.

Среднее поколение также несёт на себе последствия прекаризации академического труда. Трансформация социально-трудовых отношений приводит не только к повышенной мобильности внутри академического сектора (переходу в другие вузы с лучшими условиями труда), но и кардинальному решению о прекращении трудовых отношений с вузом. Ранее российская высшая школа уже испытала на себе негативные эффекты потери среднего поколения НПР, произошедшей в 1990-е гг. Тогда уход научно-педагогических сотрудников в самом продуктивном возрасте был обусловлен социально-экономическими проблемами, прежде всего неконкурентоспособной заработной платой. Сегодня риск ухода среднего поколения из вузовского сектора остаётся значительным, особенно в группах высокоресурсных сотрудников. К уже обозначенным

причинам их ухода можно также отнести нарушение баланса между жизнью и работой (life-work balance), расхождение представлений о трудовом вкладе в развитие вуза и справедливости вознаграждения, многозадачность. В сложившихся условиях среднее поколение НПР с трудом справляется со своей социальной функцией посредника-интегратора между молодым и старшим поколением научно-педагогического сообщества.

Таким образом, представители всех трёх поколений НПР не удовлетворены своим положением и ролями в поколенческой структуре университетского сообщества. С одной стороны, это сказывается на характере их межпоколенческого и внутрipoколенческого взаимодействия. С другой – является следствием уже сложившихся к этому времени противоречий между поколениями НПР. Складывается представление, что каждый узел исследуемой проблемы – это доказательство кризиса межпоколенческих и внутрipoколенческих взаимодействий в университетском сообществе. Каждое поколение, сталкиваясь с перечисленными проблемами и рисками, сосредоточивает внимание, прежде всего, на них и относится к другим поколенческим общностям и к взаимодействию с ними как к средству решения своих проблем. Бесконфликтное межпоколенческое и внутрipoколенческое взаимодействие не рассматривается как ресурс конструктивного разрешения противоречий в университетском сообществе. Без такого понимания задача по достижению межпоколенческого консенсуса между вузовскими образовательными общностями и их поколениями в рамках университетского сообщества не может быть решена.

Взаимодействие общностной и поколенческой структур

Как уже отмечалось выше, в самой начальной и общей трактовке поколенческая структура вуза включает в себя три поколения – молодое, среднее и старшее, а общностная – три образовательные общности: студенчество, научно-педагогическую и административно-управленческую общности. Будучи связанными между собой, находясь на взаимном пересечении действий в социальной структуре вуза, названные поколения и общности обнаруживают в ней появление большого количества разнообразных внутрipoколенческих и межобщностных групп.

В этих взаимодействиях лишь одна образовательная общность характеризуется слабо выраженной поколенческой структурой или даже вообще её не имеет. Это вузовское студенчество, рассматриваемое в своём большинстве в качестве представителей молодого поколения с возрастными границами от 17 до 25–27 лет. Но и в этой общности, если её рассматривать не узко, как, скажем, только студентов очной формы обучения, поступивших в вуз через короткий промежуток времени после окончания школы или колледжа, а иметь в виду и магистрантов, и студентов-заочников, можно и нужно для определённых целей исследования выделять не одно, а как минимум два поколения, характеризующихся принадлежностью к различным возрастным когортам.

Строго говоря, поколенческие и образовательные общности могут рассматриваться порознь, как относительно автономные субстанции, составляющие основу университетского сообщества. Для этого достаточно поколения и их структурные элементы (молодое, среднее, старшее поколения с последующим выделением в них фрагментирующих слоёв) рассматривать исключительно как возрастные когорты, не объединённые поколенческой идентичностью, не сформировавшиеся в одном историческом и социокультурном контексте, не связанные единым вузовским пространством-временем. В свою очередь, автономизация университетских образовательных общностей, позволяющая рассматривать их вне поколенческих структур, изолирует эти общности от широкого университетского исторического и социокультурного пространственно-временного контекста. Нетрудно понять, что такой «изоляционистский» подход является неперспективным с точки зрения развития университетского сообщества, которое для достижения новых результатов нуждается в интеграции потенциально близких поколенческого и образовательно-общностного анализов и обеспечении их методологического единства. Отсюда наиболее перспективной идеей является создание в вузе благоприятных условий для взаимодействия поколенческих и образовательных общностей.

Предпосылкой такого взаимодействия должно стать рассмотрение поколений и образовательных общностей с единых (взаимосвязанных) методологических позиций. Это означает, во-первых, характеристику поколения не только как возрастной когорты, но и как поколенческой общности. Существенное значение приобретает в этой связи то обстоятельство, что к поколению относится группа людей, которая, по Мангейму, определяется не столько нахождением в одном хронологическом периоде как таковом, сколько «проживанием» одних и тех же событий, существенным образом влияющих на жизнь людей [2, с. 36]. Отсюда каждое поколение может включать несколько возрастных когорт. Примером может служить поколение студентов и НПР периода внедрения ЕГЭ и норм Болонского процесса. Во-вторых, речь идёт об использовании признаков социальной общности для трактовки поколенческой общности. В-третьих, важным становится выявление возможностей взаимодействия поколенческих и образовательных общностей с целью развития каждой из них в плане продвижения в университетских практиках и поколений и их структур, и образовательных общностей и их структур.

При этом сделаем акцент на роли управленческих структур вуза в обеспечении успешности процесса взаимодействия поколенческих и образовательных общностей. Интеграция в анализе поколенческого и общностно-образовательного подходов, усиленная их взаимодействием, значительно расширяет как возрастной, так и научный и социокультурный диапазон участников университетского сообщества и превращает его в привлекательный объект социологического исследования. В таком качестве университетское сообщество предстаёт в зеркале социологического рассмотрения как сложная система, включающая две связанные разновидности социальной структуры – поколенческую и общностно-образовательную.

За счёт их взаимодействия расширяются возможности получить новые знания о высшем образовании и его основном учреждении – университете. Высшее образование и вуз предстают перед нами как пространство, в котором живут, формируются, изменяются, взаимодействуют представители разных поколений и образовательных общностей. Расширяются возможности и получения нового знания, касающегося теорий поколений и концепций вузовских образовательных общностей. До недавнего времени многие эти теории, особенно теории поколений, связанные с получением нового знания о высшем образовании, были настоящей лакуной информации о нём. Только сейчас возникают возможности проводить исследования поколений в высшем образовании, начатые ещё в работах В. Штрауса и Н. Хоува 1990-х гг.

Одна из острых проблем социальной структуры вуза – её противоречия и дисбалансы. Выше указывалось, что актуальную задачу нашей работы мы видим в исследовании кризиса межпоколенческих и внутривпоколенческих взаимодействий вузовских образовательных общностей, условий и возможностей его преодоления. Отсюда следует, что важнейшим направлением исследования становится выявление противоречий, дисбалансов, конфликтов и кризисных тенденций в межпоколенческих и внутривпоколенческих отношениях вузовских образовательных общностей. Необходимость изучения этих процессов в российском университетском сообществе обусловлена нарастанием в высшем образовании остроты противоречий, так или иначе связанных с поколенческими отношениями образовательных общностей в нём.

При этом мы имеем в виду то обстоятельство, что поколенческая структура университетского сообщества взаимосвязана с его общностной структурой, образованной тремя ключевыми субъектами высшей школы – студенчеством, научно-педагогическими и административно-управленческими работниками. Каждая вузовская общность имеет свои поколенческие метрики, во многом определяющие характер жизнедеятельности её представителей и их взаимодействия с другими представителями университетского сообщества.

Взаимодействие общностных и поколенческих структур обусловило возможность методологической группировки ключевых концептов поколенческого и общностного анализа университетского сообщества вокруг следующих проблемных (исследовательских) вопросов.

1. Поколенческое и общностно-образовательное устройство университетского сообщества. Оно описывается понятиями поколенческой и возрастной структуры, возрастной когорты, исторической и социокультурной идентичности.

2. Динамика поколений и образовательных общностей университетского сообщества. Она описывается понятиями преемственности поколений, образовательных общностей, поколенческой (генеративной) социализации, межпоколенческого трансфера, межпоколенческих и межобщностных различий, поколенческих и общностных взаимодействий.

3. Поколенческое и общностное самосознание. Оно описывается понятиями поколенческой и общностной идентификации, самоидентификации, поколенческих и общностных ценностей, традиций, норм, обычаев, памяти,

межпоколенческой и внутривпоколенческой, межобщностной и внутривобщностной толерантности, межпоколенческой и межобщностной амбивалентности, наличием возрастных стереотипов.

4. Межпоколенческие и межобщностные отношения и взаимодействия. Они описываются понятиями межпоколенческого и межобщностного конфликта, разрыва, диалога, консенсуса, контракта (договора), обмена, межпоколенческой и внутривпоколенческой, межобщностной и внутривобщностной справедливости, межпоколенческого и внутривпоколенческого, межобщностного и внутривобщностного доверия, межпоколенческих и межобщностных, внутривпоколенческих и внутривобщностных контактов и коммуникаций.

5. Регулирование межпоколенческих и межобщностных, внутривпоколенческих и внутривобщностных отношений. Оно описывается понятиями межпоколенческой и межобщностной политики, межпоколенческого и межобщностного порядка, межпоколенческого и межобщностного контракта, эйджизма, генеративного поведения, межпоколенческой и межобщностной реципрокности.

Весь названный концептуальный арсенал позволяет достаточно широко представить социальную структуру вуза, обнаруживая в ней в каждом конкретном случае проявления связи и взаимодействия элементов общностной и поколенческой структур на уровне методологии исследования.

Заключение

Проведённый анализ методологии исследования социальной структуры вуза позволил обнаружить лишь какую-то часть представлений о ней, ограниченных трактовкой двух разновидностей этой структуры – общностной и поколенческой, причём осуществлённой как порознь каждой из них, так и во взаимодействии друг с другом. Помимо чисто эвристической задачи, открывшей путь к расширению и углублению знаний о социальной структуре вуза, рассмотрение методологии исследования позволяет поставить вопрос о её трансляции на уровень методики эмпирического исследования и проведении его среди представителей вузовских поколенческих общностей.

Такое исследование значительно обогатило бы научные представления о социальной структуре вузов и позволило бы выявить «болевые точки» образовательных учреждений с целью их учёта для принятия необходимых управленческих решений стратегического и тактического характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тённос Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис ; пер. с нем. Д. В. Складнева. М. , СПб. : Фонд Университет ; Владимир Даль, 2002. 450 с. ISBN 5-93615-020-8.
2. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / К. Мангейм ; пер. Е. Я. Додина ; отв. ред. Л. В. Скворцов. М. : ИНИОН РАН, 2000. 164 с. ISBN 5-248-01334-8. EDN **LAFQOX**.

3. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М. : Академический проспект, 2003. 525 с. ISBN 5-8291-0232-3.
4. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. 304 с. ISBN 5-7741-0119-1. EDN [QOKBWV](#).
5. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Научно-педагогические работники в современной России: теория и биография социальной общности. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2024. 430 с. ISBN 978-5-7741-0452-9. EDN [PNLXLU](#).
6. Зборовский Г. Е. Характеристика поведенческих стратегий образовательных общностей в условиях трансфера их человеческого капитала // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 1. С. 190–200. DOI [10.15826/izv1.2021.27.1.021](#). EDN [TTGGPI](#).
7. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. ISBN 978-5-7741-0373-7. EDN [XRTKJM](#).
8. Нархов Д. Ю. Взаимодействие вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 2. С. 9–30. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30](#). EDN [IFUCUU](#).
9. Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Представления студенческой молодёжи о смысле образования: социокультурные особенности саморегуляции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 44–69. DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.3](#). EDN [RVEXBB](#).
10. Ефимова Г. З. Карьерный путь преподавателей высшей школы // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1. С. 24–40. DOI [10.19181/snsp.2022.10.1.8859](#). EDN [OQLCHD](#).
11. Индикаторы науки: 2007. Статистический сборник. М. : ГУ-ВШЭ, 2007. 344 с. ISBN 978-5-7218-0940-8.
12. Образование в Российской Федерации: 2012. Статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2012. 444 с. ISBN 978-5-7218-1275-0.
13. Индикаторы образования: 2013. Статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2013. 280 с. ISBN 978-5-9904002-3-8.
14. Семенова В. В. Социальная динамика поколений. Проблема и реальность. М. : РОССПЕН, 2009. 271 с. ISBN 978-5-8243-1300-0. EDN [QOKHWP](#).
15. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : ВШЭ, 2019. 224 с. ISBN 978-5-7598-1985-1. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](#). EDN [STOTFS](#).
16. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Co, 1991. 538 p. ISBN 0-688-08133-9.
17. Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным. М. : РИПОЛ классик, 2019. 406 с. ISBN 978-5-386-12783-1.
18. Омельченко Е. Л. Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16, № 2. С. 10–28. DOI [10.19181/inter.2024.16.2.1](#). EDN [AATYIC](#).
19. Duffy B. The Generation Myth: Why When You're Born Matters Less Than You Think. New York : Basic Books, 2021. 288 p. ISBN 1-5416-2031-3.
20. Аврамова Е. М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 78–95. DOI [10.19181/vis.2019.30.3.591](#). EDN [QEJXSX](#).
21. Сорокина Н. Д., Токарева Е. М. Связь и преемственность поколений (на примере опроса студентов) // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2. С. 81–88. DOI [10.17922/2071-3665-2024-23-2-81-88](#). EDN [QBLGGV](#).

22. Волков Ю. Г. Межпоколенческое взаимодействие в российском обществе: поиск языка согласия и взаимопонимания // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 3. С. 30–42. DOI [10.23683/2227-8656.2018.3.2](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.2). EDN [USUAHO](#).
23. Pilcher J. Mannheim's Sociology of Generations: An Undervalued Legacy // British Journal of Sociology. 1994. Vol. 45, № 3. P. 481–495. DOI [10.2307/591659](https://doi.org/10.2307/591659). EDN [BUKSWN](#).
24. Van de Velde C. Global perspectives on youth and intergenerational relations in the 21st century // Research Handbook on Transitions into Adulthood / Ed. by J. Chesters. Edward Elgar Publishing, 2024. P. 115–128. ISBN 978-1-83910-696-5. DOI [10.4337/9781839106972.00019](https://doi.org/10.4337/9781839106972.00019).
25. Connolly J. Generational conflict and the sociology of generations: Mannheim and Elias reconsidered // Theory, Culture & Society. 2019. Vol. 36, № 7-8. P. 153–172. DOI [10.1177/0263276419827085](https://doi.org/10.1177/0263276419827085).
26. Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодёжь как барометр будущего? Молодёжная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодёжной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66–92. DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2078](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078). EDN [XIXVYB](#).
27. Козырева П. М., Смирнов А. И. Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 49–60. DOI [10.31857/S013216250014949-6](https://doi.org/10.31857/S013216250014949-6). EDN [KNAYMK](#).
28. Щелкин А. Г. «Отцы и дети» – социологический портрет поколений в онтологическом интерьере // Петербургская социология сегодня. 2022. № 18. С. 5–34. DOI [10.25990/socinstras.pss-18.http8-1j56](https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-18.http8-1j56). EDN [DUPRNX](#).

Сведения об авторе

Г. Е. Зборовский

доктор философских наук, профессор
профессор-исследователь
SPIN-код: [9068-9732](#)

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 18.07.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.1)

ON THE METHODOLOGY OF THE COMMUNITY AND GENERATIONAL UNIVERSITY STRUCTURE RESEARCH

Garold Efimovich Zborovsky

Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
garoldzborovsky@gmail.com,
ORCID [0000-0001-8153-0561](https://orcid.org/0000-0001-8153-0561)

For citation: Zborovsky G. E. On the methodology of the community and generational university structure research. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):10–34. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.1).

Abstract. The article discusses methodological issues of the study of the social structure of the university, which are of interest and relevant for the current stage of development of Russian higher education. There are two sets of university problems that require consideration at the methodological level. The first one draws attention to the conceptual framework, differentiation of the structure, its various elements, subsystems, and contradictions. The second set includes consideration of various methodological approaches necessary to characterize the social structure of the university, primarily community-based and generational. The article characterizes the provisions of the theory of social community of F. Tennis and the views of K. Mannheim as the founder of the theory of generations in the context of the application of community and generational approaches to the consideration of the social structure of the university. The purpose of the article is to analyze the methodological problems of sociological research of the social structure of the university separately and in their interaction. The logic of the article presupposes the formulation of research questions, the characterization of types of social structure, the interpretation of community and generational structures, and further their interaction. At the same time, special attention is paid to the contradictions in the inter-community and intergenerational relations of representatives of different university communities. It is argued that they are inevitable and that in the processes of their emergence and overcoming, some relationships and contradictions overlap with others: generational communities with educational ones and vice versa, younger generations with middle and older ones and vice versa, some educational communities – scientific and pedagogical workers with others – students and administrative and managerial workers and vice versa. Attention is drawn to the role of university management structures in regulating educational and generational interactions. The task of sociologists in emerging situations is determined by the need to monitor and investigate them, as well as to look for ways to solve emerging problems.

Keywords: social structure of the university, research methodology, community structure, generational structure, educational communities, students, research and teaching staff, administrative and managerial staff, younger, middle, older generations, interaction of community and generational structures, contradictions of inter-community and intergenerational relations

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 25-18-00206, “Intergenerational and intragenerational interactions in the Russian university community of the 21st century: from crisis to consensus” <https://rscf.ru/project/25-18-00206>.

REFERENCES

1. Tennis F. Community and society. Basic concepts of pure sociology [Obshhnost' i obshchestvo. Osnovny'e ponyatiya chistoj sociologii]. Moscow: Fond Universitet; St. Petersburg: Vladimir Dal'; 2002. 450 p. (In Russ.). ISBN 5-93615-020-8.
2. Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations – competitiveness – economic ambitions [Ocherki sociologii znaniya. Problema pokolenij – sostyazatel'nost' – e'konomicheskie ambicii]. Moscow: INION RAN; 2000. 164 p. (In Russ.). ISBN 5-248-01334-8.
3. Giddens A. The organization of society. An essay on the theory of structuration [Ustroenie obshhestva. Ocherk teorii strukturacii]. Moscow: Akademicheskij Prospekt; 2003. 525 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0232-3.
4. Zborovsky G. E. Theory of social community. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2009. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-7741-0119-1.

5. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Research and pedagogical staff in modern Russia: theory and biography of a social community. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2024. 430 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7741-0452-9.
6. Zborovsky G. E. Characteristics of behavioral strategies of educational communities in the context of the transfer of their human capital. *News of Ural Federal University. Series 1. Issues in Education, Science and Culture=Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2021;27(1):190–200. (In Russ.). DOI [10.15826/izv1.2021.27.1.021](https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.1.021).
7. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Sociology of higher education. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-7741-0373-7.
8. Narkhov D. Yu. Interaction of Educational Communities of Higher Education in the University Scientific Area. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2024;33(2):9–30. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30).
9. Seliverstova N. A., Zubok Yu. A. Ideas about the meanings of education among students: socio-cultural peculiarities of self-regulation. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(1):44–69. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.3).
10. Efimova G. Z. Career strategies for education teachers. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2022;10(1):24–40. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2022.10.1.8859](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8859).
11. Indicator Sciences: 2007. [Indikatory' nauki: 2007. Statisticheskij sbornik]. Moscow: GU-VSE; 2007. 344 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7218-0940-8.
12. Education in the Russian Federation: 2012. Statistical collection. Moscow: VSE; 2012. 444 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7218-1275-0.
13. Indicator Sciences: 2013. Statistical collection. Moscow: VSE; 2013. 280 p. ISBN 978-5-9904002-3-8.
14. Semenova V. V. Social dynamics of generations. Problem and reality. Moscow: ROSSPEN; 2009. 271 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8243-1300-0.
15. Radaev V. V. Millennials. How Russian society is changing. Moscow: VSE; 2019. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1985-1.
16. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Co; 1991. 538 p. ISBN 0-688-08133-9.
17. Twenge J. Generation I. Why the Internet generation has lost its rebellious spirit and become more tolerant. Moscow: RIPOI Classic; 2019. 406 p. (In Russ.). ISBN 978-5-386-12783-1.
18. Omelchenko E. L. Forgotten Generation X. A Retrospective Look from the Future. *Interaction. Interview. Interpretation=Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. 2024;16(2):10–28. (In Russ.). DOI [10.19181/inter.2024.16.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1).
19. Duffy B. The Generation myth: why when you're born matters less than you think. New York: Basic Books; 2021. 288 p. ISBN 1-5416-2031-3.
20. Avraamova E. M. The social positioning and social practices of Russian millenials. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(3):78–95. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.30.3.591](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.591).
21. Sorokina N. D., Tokareva E. M. The connection and continuity of generations (using the example of a student survey). *Social policy and Sociology=Social'naya politika i sociologiya*. 2024;23(2):81–88. (In Russ.). DOI [10.17922/2071-3665-2024-23-2-81-88](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-81-88).
22. Volkov Yu. G. Intergenerational interaction in Russian society: the search for a language of consent and mutual understanding. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarnij Yuga Rossii*. 2018;7(3):30–42. (In Russ.). DOI [10.23683/2227-8656.2018.3.2](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.2).
23. Pilcher J. Mannheim's sociology of generations: an undervalued legacy. *British Journal of Sociology*. 1994;45(3):481–495. DOI [10.2307/591659](https://doi.org/10.2307/591659).

24. Van de Velde C. Global perspectives on youth and intergenerational relations in the 21st century. In: Research Handbook on Transitions into Adulthood. Ed. by J. Chesters. Edward Elgar Publishing; 2024. P. 115–128. ISBN 978-1-83910-696-5. DOI [10.4337/9781839106972.00019](https://doi.org/10.4337/9781839106972.00019).
25. Connolly J. Generational conflict and the sociology of generations: Mannheim and Elias reconsidered. *Theory, Culture & Society*. 2019;36(7-8):153–172. DOI [10.1177/0263276419827085](https://doi.org/10.1177/0263276419827085).
26. Omelchenko E. L., Lisovskaya I. V. Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia as viewed by youth policy experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* 2022;(2):66–92. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2078](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078).
27. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Interaction of generations in modern Russia: an evolving rapprochement. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021;(11):49–60. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250014949-6](https://doi.org/10.31857/S013216250014949-6).
28. Shchelkin A. “Fathers and children” – a sociological portrait of generations in an ontological interior. *St. Petersburg Sociology today=Peterburgskaya sociologiya segodnya*. 2022;(18):5–34. (In Russ.). DOI [10.25990/socinstras.pss-18.htp8-1j56](https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-18.htp8-1j56).

Information about the Author

G. E. Zborovsky

Doctor of Philosophy, Professor

Research Professor

ResearcherID: [E-6142-2014](https://orcid.org/0000-0001-9142-2014)

Scopus AuthorID: [6505899907](https://orcid.org/0000-0001-9142-2014)

The article was submitted 02.06.2025; approved after review 10.06.2025; accepted for publication 18.07.2025.